

Эдуард МАЦКЕВИЧ

А 2007
120к

КРАСНЫЙ
САЙГАК

ЭДУАРД МАЦКЕВИЧ

КРАСНЫЙ САЙГАК

*Литературные эссе,
рассказы и повести*

Алматы
2006

ББК 84 (5 Каз – Рус) 7-44

М 37

*Выпущена по программе Министерства культуры и
информации Республики Казахстан*

Мацкевич Эдуард.

М 37 Красный сайгак: Литературные эссе, рассказы и повести.
Алматы: КАЗакпарат, 2006. – 244 стр.

ISBN 9965-645-21-2

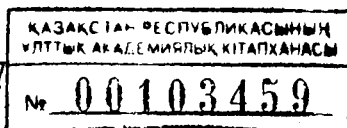
Имя казахстанского писателя Эдуарда Мацкевича известно читателям по книгам «Синий соболь», «Время первой тропы», «Зеленое ожерелье», «Рядом с тобой», «Календарь пестрых гор» и другими.

Его новый сборник рассказывает об известных в Казахстане людях, творчество которых он изучал, или знал их лично. Герои книги рассматриваются, через общение человека с природой.

Автор – Заслуженный работник культуры республики.

ББК 84 (5 Каз – Рус) 7-44

М $\frac{4702250201-107}{00(05)-06}$

ISBN 9965-654-21-2

© Мацкевич Э., 2006

© “КАЗакпарат”, 2006

ГОДЫ И ЛЮДИ

Где-то в конце 60-х, когда Эдуард Мацкевич работал в молодежной республиканской газете «Ленинская смена» (ныне «Экспресс К»), редактор «Простора» Иван Петрович Шухов обратил внимание на молодого журналиста и пригласил его к соттрудоунигеству. Я тогда возглавлял отдел прозы. Здесь мы и познакомились.

Эдуард работал в отделе публицистики и, как всегда, много ездил по республике. Его свежее перо, очерки, рассказы, повести не могли быть незамеченными и через пару лет «глаз на него положили» «Известия», которым он отдал более двадцати лет своей творческой жизни.

За это время он изъездил вдоль и поперек всю республику. Отсюда и характер, и настрой его публикаций, главной темой которых являются люди.

Его герои – личности, как правило, неординарные. Будь то поэт, скульптор, ученый, летчик или альпинист. Они честны, основательны, бескорыстны и великодушны. И трудности свои они преодолевают как должное, без душевной усталости.

Обращение к таким образам особенно важно в наше утилитарное время.

Первая часть книги озаглавлена «Теплые звезды». Ее герои несут тепло другим, настраивая их на добро и светлое восприятие мира.

Вторая часть «Тороплюсь на свидание» включает в себя несколько небольших повестей и рассказов о жизни современников.

На мой взгляд книга «Красный сайгак» направлена на воспитание патриотизма

Время неумолимо. Уходят годы, уходят люди. Многих из которых мы знали, с которыми мы дружили и работали в «Просторе» теперь нет среди нас. Не стало и большинства героев новой книги Эдуарда Мацкевича, известных в Казахстане писателей, актеров, художников. И тем более дорога память о них, записанная очевидцем.

Отрадно, что писатель не делеет свои воспоминания о героях, а ведет с ними как бы внутренний диалог.

Книга хорошо проиллюстрирована. Как журналист, Эдуард Мацкевич никогда не расставался с фотоаппаратом и за годы корреспондентской работы собрал большой архив снимков. Это придает сборнику неоценимую достоверность.

Более десяти лет Эдуард Олегович Мацкевич возглавлял республиканскую газету «Экологический курьер», оставаясь верным своей теме – защите природы. Известный писатель-натуралист Максим Зверев писал о нем: «Рассказы и новеллы Э. Мацкевича открывают нам страницы об отношениях человека с прекрасным миром природы Казахстана, познавать который увлекательно всегда и всюду, ...он выработал у себя способность к точным наблюдениям, умение увидеть то, мимо чего другие проходят не замечая, а потом рассказывает об этом интересно, доходчиво и зримо».

Остается добавить, что газета, возглавляемая Э. Мацкевичем, в 2003 году выиграла национальный конкурс «Будущее начинается сегодня» в экологической номинации и признана лучшим изданием, а ее главный редактор назван «Лучшим журналистом русскоязычной прессы».

Сегодня не велик писательский расклад русскоязычной прозы. Поэтому новая книга «известинца» Эдуарда Мацкевича весьма кстати. Она – хороший подарок читателям и автору.

Иван ЩЕГОЛИХИН,
народный писатель Казахстана.

Чингистайская волесть, вул у подножье Алтайских гор,
Молодой поэт приехал учиться в столицу... И загорелся
в полую найти этот самый вул. Буду ли во временах в
Катон Кара-Куму, в Чингистай, Алтайский, Алтайский,
Красный Алтай

Судьям и муромцам Горный — красный
Деревня
Судьям и муромцам Горный — красный
Деревня
Судьям и муромцам Горный — красный
Деревня

ТЕПЛЫЕ ЗВЕЗДЫ

несколько удивлять, а его имя, как и на русском,
отражается в копеечных тоненьких монетах
"Мордано".
После удивления в России в Усть-Камениловке
в области густеет. Довольно удивлять, что это в
внешних краях еще в деревенском виде в
маленькой селенке, где предводитель Судьям и муромцам.
Не так давно в нашей стране это слово и в
представительности. Конечный 1913, начало 1914 года.

КРАСНЫЙ САЙГАК

Султанмахмут Торайгыров – казахский
Лермонтов

*Счастье – это красный Сайгак.
Погоня за ним – байга.*

*Султанмахмут Торайгыров
(23 октября 1893 – 29 апреля 1920)*

Недавно исполнилось 85 лет (21 мая) как из жизни ушел большой казахский поэт Султанмахмут Торайгыров. Мой товарищ называл его “Лермонтовым своего народа”. Как и великий русский поэт, этот “степной Лермонтов” прожил до обидного мало – всего 27 весен. Но этого оказалось достаточно, чтобы о нем говорили и в беспокойное время переделки мира, и помнили его сегодня.

Почему я, когда-то совсем еще молодой журналист заинтересовался творчеством этого человека, о котором определенное время в советский период старались несколько умалчивать, а его публикации на русском ограничивались несколькими тоненькими книжками “Избранного”?

После университета я работал в Усть-Каменогорске, в областной газете. Довелось услышать, что где-то в здешних краях еще в дореволюционное время в маленькой сельской школе преподавал Султанмахмут.

Не без труда я нашел сборник его стихов и в предисловии прочел: “Конец 1913, начало 1914 года.

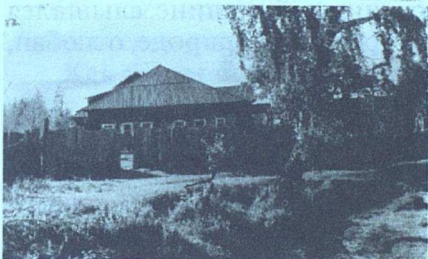
Чингистайская волость, аул у подножье Алтайских гор. Молодой поэт приехал учительствовать...” И загорелся я целью найти этот самый аул. Будучи по заданию в Катон-Карагае, я все-таки “вышел” на Чингистай, настроенный и вдохновленный, прочитанными ранее стихами.

К счастью, тогда еще были живы люди, помнившие этого двадцатилетнего юношу, промелькнувшего здесь неожиданным метеором. По крупицам я собирал редкие детали и факты, сопоставлял с написанными поэтом строками.

Так родилась новелла “Красный сайгак”, рассказывающая лишь об одном эпизоде яркой жизни этого необычайно талантливого человека.

Вот что из этого получилось

Чингистайская любовь

В этом доме в ауле Чингистай размещалась школа.

Он сразу же привлек внимание всего аула не только своим городским платьем. Одет был учитель необычно: в коричневую тройку, носил галстук, хотя и заправлял брюки в голенища сапог. Аульные красавицы уже видели в нем

завидного жениха, шептались, расписывая на все лады его привлекательную внешность. Говорили, что он умен и пишет стихи, но беден. Что где-то в степи, в ауле Шорман есть у него богатые родственники, с помощью которых надеялся он открыть школу, но родичи не пожелали дать на это и худого барана. Так судачили красавицы.

Однако, беден не беден, а сам Адыкарим Ережепов, волостной управитель, взял его постояльцем, предоставив одну из комнат своего большого деревян-

ного дома. Это было единственное деревянное строение в ауле, если не считать школы. Школа или, как она именовалась, двухклассное русско-казахское волостное училище, готовило в основном писарей и переводчиков для национальной администрации. Но здесь учились и русские дети из соседних поселков, и преподаватели – русские учителя.

Молодой учитель приехал в Чингистай не без тайного желания укрепить свои знания в языке Пушкина и Лермонтова, которых он любил и почитал. Он свято чтит Абая и хорошо понимал его слова: “Русские видят много. Если будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза”. И молодой поэт решил в совершенстве знать русский язык и русскую письменность.

Учитель быстро сдружился с аульной молодежью. Он был начитан, многое знал, и его очень любили слушать. Султанмахмут с увлеченно читал свои стихи где-нибудь в тесном кругу парней, лежа в густой траве. И часто в вечерних сумерках, в наступившей тишине слышался его молодой голос. Он читал о родной природе, о любви, справедливости и людском горе

*Бездельник бай только ест и пьет
И, руки сложив, считает скот.
Жатаку, который растет богатство,
Он платит по три барашка в год.
И если что у жатака не так,
И если не угодил жатак,
Бай собакой его называет,
“Самой грязной из всех собак!”*

Однажды их подслушал мулла, поздно вечером возвращавшийся с крестин.

– Крамольные мысли говоришь, учитель. На божественном Гарасате* тебе не будет места.

– О каком Гарасате мечтаешь почтеннейший? Кто на земле не узнает счастья, вряд ли найдет его за гробом...

Мулла ушел, затаив обиду.

А молодежь слушала Султанмахмута, кто с

недоверием и опаской, кто восхищенно и гордо.

– Эй, джигиты, верить муллам – значит быть врагом самому себе. Ведь все хорошее в жизни зависит только от самого человека. Случайно ли небо ласково к одним и обращает преждевременно в прах других? Случайно ли на пальце знатного подлеца сверкает алмазное кольцо, а голодный кедей зимой и летом ходит в жалком рублище?

Он был молод, очень молод и горяч. Сердце его не привыкло кутаться в дорогие шубы и готово было спорить с целым миром. Среди своих двадцатилетних сверстников он чувствовал себя порой мальчишкой, верховодом-заводилой в опасной игре. Но это не игра, а жизнь, в которой для него уживались рядом и бунтарство, и сострадание. Чем помочь своему народу? Свет ученья – вот что откроет ему глаза, любовь к наукам, родному языку и поэзии.

Почему в аулах не стало слышно песен? Или перевелись акыны? Но нельзя же молчать. Только песня поможет народу очистить свою душу.

Как бы ни был человек черств и жесток, он, попадая под власть песни, становится добрее и лучше. В нем закипает кровь, и он готов перевернуть горы.

Если в народе угаснет поэзия, он лишится своей души. Человек без песни превратится в бездушный саксаул, пригодный только для топлива. Надо бороться за возрождение песни.

И ранними осенними вечерами, когда луна серебрила сухую полынь, и аул курился в теплом кизячном дыму, старые аксакалы вздрагивали от изумления и неожиданности, услышав сильный и властный запев давно забытой мелодии.

– О-э-э-ппаа-а...

И ветер с гор подыгрывал струнами домбры и, вплетаясь в голос певца, разносил его далеко по всей округе.

Именно подобный настрой и мотивы звучали в стихах Султанмахмута, написанных в это время.

– Он заставляет джигитов петь и читает им

непристойные стихи, - сказал мулла, принимая очередную пиалу.

Волостной управитель Абдыкарим Ережепов вытирал полотенцем красное мясистое лицо.

- Что-то мы много говорим о нашем постояльце.

- Язык бы ему укоротить. Слишком болтлив этот маленький мугалим, - настаивал мулла.

- Все в наших силах. Степи нужны грамотные казахи. Но если соловей запоет не ту песню, мы накормим его золотыми камешками. Тогда он будет ручной и ленивый. - Абдыкарим засмеялся, довольный своим ответом, и откинулся на подушки.

С почтением проводив муллу, он подумал: "Я все вижу, и меня не проведешь..."

Но не видел Абдыкарим того, что пришлось ему узнать из чужих уст и доставило столько хлопот и беспокойства, не видал, как дочь его, красавица Багила, дарит учителю горячие запретные взгляды, что остроглазая девчонка Нурмаш украдкой носит молодой хозяйке записки, которые каждая девушка мечтала бы получать от любимого.

Почти под самыми окнами школы плескалась в ключе снеговая вода, бегущая с близких гор. Купались в ее брызгах плакучие ветви берез. Красные их стволы обступили ручей и провожали его от подножия гор до самой Бухтармы. Ручей так и назывался: Кзылкаин - Красная береза. Султанмахмут любил здесь сидеть подолгу и слушать тишину, уронив голову на колени.

И в это редкое, чуть ли не единственное свидание с Багиллой, они поднялись вверх по ручью. Глаза девушки светились застенчивым счастьем, и вокруг было так прекрасно, что Султанмахмут забыл про все на свете...

Он любовался Багиллой и награждал ее в душе самыми красивыми эпитетами, и если бы они могли засверкать, как вещи, девушка с ног до головы была бы усыпана драгоценностями. Да, она хороша, словно месяц в темной ночи. Ее кудри - солнечный свет и глаза чернее угля, и щеки нежнее бесценного шелка. Сердце обливалось жаркой волной и тесно становилось в груди,

когда он смотрел на нее.

Мысли волновали нерожденные строки, а Багила, играя веткой березы, говорила:

– О, Махмут, прочти что-нибудь. Народ любит твои стихи.

И он читал ей о том, что слышал: о шорохе трав и шелесте листьев, о голосе зеленых лесов, которые шепчут в тишине о счастье. О чем он еще мог ей сказать? О том, что Багила для него тоже “красный сайгак”, которого почти невозможно догнать, что любовь – это мираж, где двое, протянув руки, идут навстречу друг другу, но никак не могут встретиться. Потому что кого-то уведут с дороги силой денег, обычаев, обмана и угроз...

Абдыкарим рассвирепел, узнав, что дочь встречается с учителем. На поэта он смотрел волком, а Багилу сделал затворницей. Ей было 18, и давно сватались к девушке богатые женихи, но управитель медлил. Он любил дочь и, не торопясь, подыскивал ей достойнейшего, чтоб был богат, силен и умен. Но такие качества редки в одном человеке.

Совсем некстати подвернулся молодой учитель. Умен, но за душой нет и худой овцы. Абдыкариму нужен не нахлебник в доме, а почет и богатство.

Управитель думал сначала, что учитель – это легкое увлечение, что все это пройдет очень скоро, а весной, пожалуй, можно говорить и о замужестве дочери. Но от зоркого Абдыкарима нельзя было спрятать тоскливую решимость Султанмахмута. А после разговора с Багиллой он с ужасом убедился, что нужно торопиться. Сегодня же немедля послать гонцов за женихом, иначе чего только нельзя ожидать от этих молодых с их крамольными разговорами о свободе. Ведь убегут же – тогда позора не оберешься.

Ранним ненастным утром умчались из аула на лучших конях три джигита. Путь их лежал в далекую Ойротию. Всего несколько слов должны они передать старейшему бию, у которого табуны не имели счета: “Волостной управитель Абдыкарим Ережепов

согласился отдать дочь за вашего сына, досто-
почтенного Аксолтана...”

И в самый разгар зимы, когда бесновался буран,
нагрянул в аул свадебный кортеж. Впереди гнали табун
лошадей, чтобы пробивать дорогу в глубоком снегу.

Зазвучала в доме Абдыкарима жалобная песня
невесты “Жар-Жар”. Песня девушки, насильно выдава-
емой замуж. Говорят, те, кто слышал ее, не смогли
сдержать слез.

За триста километров через Урыль, Чиндагатуй,
прервал Укок, в далекий Чуйский аймак на тройке,
разукрашенной лентами и бубенцами, увозили Багилу.
Десятки джигитов сопровождали свадебный поезд,
согласившись только за хорошие деньги в такой буран
покинуть теплые зимовки.

Когда скрылся последний всадник, в ауле наступила
мертвая тишина. Оскорбленный поэт тяжело переживал.
Он глядел в окно на белую пелену снега, одинокий и
подавленный. “А разве случилось что необычное? -
думал он. Часто ли казашка шла любя замуж? Ведь это
ты, Махмут, видишь каждый день. И вот сейчас по-
чувствовал на своей шкуре”.

В его первом романе “Красавица Камар” каждая
строчка кричит о бесправии женщины и требует ее
раскрепощения. Но, видно, мало слагать песни. Вот он,
умный, образованный, любимый потерпел поражение,
его оттолкнули, с ним просто не стали разговаривать.
Потому, что в этой заблудившейся жизни ничто не
почитается, кроме богатства. Все остальное лишь при-
ложение к нему: и разум, и совесть, и любовь.

Девушки продаются, как вещи, и становятся без-
молвными рабынями. Кто виноват в этом? Кто виноват,
что живучи феодальные обычаи, что так много
нравственной темноты, что волостные управители, баи
и аткаминеры заботятся только о своей выгоде, чинах и
наживе?

С первыми весенними лучами поэт навсегда покидает
Чингистай, где мимо красным сайгаком промелькнуло
его счастье. А спустя год он заканчивает второй роман
в стихах “Кто виноват?”.

Торайгырова, повел меня к прохладному горному ручью, где, по преданию, поэт встречался с любимой. Узкая тропа вела от школы к старой покосившейся березе.

– Видно, здесь он любил сидеть, – сказал Касиманов.

Пел свою песню ручей так же, как и много десятилетий назад, дышал он холодом далеких ледников, и ветер с гор ласкал ветви берез. Там же стояло тогда здание школы, срубленное умельцами из крепчайшей алтайской лиственницы, готовые послужить еще долгое время людям.

Эта сельская школа уже дала Родине доктора наук, генерала, много инженеров, зоотехников, учителей, медицинских работников. Дети чабанов с отдаленных отгонов тогда жили здесь и каждый год двадцать молодых чингистайцев вместе с аттестатом зрелости получали диплом животновода-механизатора. Среди них было немало талантливых людей, которые тоже писали стихи. Но у новых песен были иные мотивы.

Султанмахмут мечтал о той жизни когда свет науки будет доступен каждому казаху. Время открыло счет этому.

Возмутитель спокойствия

Пишущий всегда должен испытывать некую зависимую причастность к судьбе своего героя, иначе не приблизишься к его сущности. В какой-то степени помогли разбудить эту причастность Александр Лазаревич Жовтис, мой преподаватель в университете, который довольно успешно переводил Султанмахмута на русский и профессор Бейсембай Кенжебаев, чья докторская диссертация была посвящена творчеству поэта. Он преподавал историю казахской литературы.

Наши прогрессивные учителя тогда обвинялись во всяческих “измах”. Кто-то подвергался незаслуженным гонениям, кому-то даже пришлось поплатиться свободой.

А в 60-е годы студия “Казахфильм” попросила меня написать сценарий учебного документального фильма

о Султанмахмуте. Что я и сделал. “Измы” ко мне не пришьешь, да и на дворе наступало время “хрущевской оттепели”.

Как был прав в свое время Кенжебаев, который сказал тогда, что Торайгыров “каждой эпохой будет оценен по-своему, с учетом нового мировоззрения и новых ценностей”.

К сожалению, этих талантливых исследователей уже забрало время. Когда я собирал материал к “Красному сайгаку” русский читатель мало что знал о поэмах “Айтыс”, “Знакомство”, где Торайгыров воссоздавал образы своих знаменитых современников: А. Букейханова, М. Дулатова, Ш. Кудайбергенова и других. Тем более умалчивалось стихотворение “Гимн Алаша”, написанное в 1917 г. по просьбе Букейханова, во-время оттепели февральской революции. Шакарим прочел его на областном съезде казахов в Семипалатинске.

Одного этого было достаточно, чтобы, как принято тогда, обвинить Султанмахмута в национализме и долгое время скрывать его произведения. Только ранний уход из жизни избавил его от судьбы единомышленников, “изъятых органами” в трагические 30-е годы.

Но вернемся к мировоззрению. Если поначалу, подчеркивалась та сторона его творчества, где он клеймил байское засилье и деспотизм власти, то в том же “Айтысе”, он “воспевал безмятежность казахов, довольных укладом старины, - замечали и более поздние исследователи. – “Тоскуя по ханам и бекам, поэт представляет их прекрасными людьми, заботящимися о безопасности, единстве и благе своих поданных”.

Жизнь многообразна. И Абай – светоч национальной культуры был в миру не бедным человеком.

Идеализируя, порой, старину, Султанмахмут, судя по всему не собирался ее реставрировать.

Духовный принцип бытия он видел в поступательном развитии общества, науки, личности. Этот возмутитель спокойствия выступал против угрожающего воздействия денег и мнимой религиозности. Корень социальной трагедии народа он видит в бедности. В этом

отношении поэт современен.

В стихотворении “Вот какие у нас вожаки!” он восклицает:

*“Вожсками себя называют они,
А шатаются праздно целые дни –
В модных шляпах, в очках и с блестящим портфелем
Много ль пользы казахам от их болтовни?”*

Достижение народом политического равновесия он видит в искоренении таких “вожаков”.

Как это дополняется одним из стихотворений А. Грибоедова:

*“Узрит начальство – ну плясать под дудку,
Заглядывать в глаза,
Смеяться плоским шуткам.
На задних лапах примется ходить”...*

Разоблачение пороков и видение прекрасного не подвластно времени и национальности авторов.

Видно не случайно современники называли Султанмахмута – “степным Лермонтовым”. Стихотворение “К жизни” очень схоже с лермонтовским “Парусом”. Есть и другие стихи близкие по тону.

К месту вспомнить высказывание А.М. Горького о Лермонтове: Печорин близок ему, поскольку в Лермонтове, есть черты пессимизма, но пессимизм в нем – двойственное чувство, в котором звучит презрение к современности “отрицание ее, жажда борьбы и тоска, от сознания одиночества, от сознания бессилия...”

Как это все похоже на Султанмахмута!

Его взгляды и жажда деятельности на пользу своего народа, сделали его одним из самых прогрессивных деятелей, стоявших у истоков казахской литературы.

* * *

Помню, будучи в Чингистае, я спрашивал у старика Канапы, почему поэт сравнивал счастье с сайгаком. Ведь этих степных антилоп и во время нашего разговора тогда было очень много.

- Э-э, ничего ты не знаешь, - ответил Канапы. – Выбили тогда сайгака, редкостью он стал. И добыть

его в то время было также трудно, как стать счастливым.

К сожалению, эта история повторилась в последние годы. Поредели стада антилопы в условиях рыночных отношений. И беречь их надо, как никогда.

И еще одна деталь. Известно, что сайгак-вожак, погибая, свои последние силы отдает продолжению рода. Зная, что неизлечимо болен. Султанмахмут щедро делил свою беспокойную жизнь с творчеством.

Впрочем все они так: и Грибоедов, и Лермонтов, и Султанмахмут, и Есенин...

Непредсказуем и тернист путь к истине.

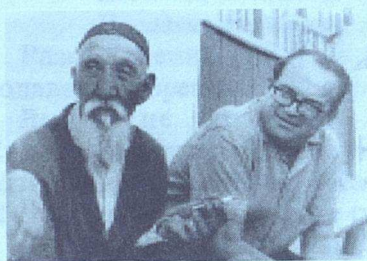

СОТВОРЕНИЕ ПЕСНИ

Народному акыну Кенену Азербаету в этом году исполнилось бы 120 лет

*В дни праздничной нашей встречи,
В сентябрьские вечера
В моем родном Семиречье
Звучат напевы Днепра.*

Кенен Азербает.

*Задушевная беседа с гостями.
Рядом Олег Мацкевич.*

Принято считать, что поэты творят по вдохновению. Но это захватывающее чувство руководит ими далеко не всегда. Нередко – это причастность к большим делам или осознанная необходимость. Или просто социальный заказ.

Недавно на одном из каналов республиканского ТВ один милый седой человек откровенно и добродушно рассказывал аудитории, как великий Джамбул напел ставшие историческими строки “Ленинградцы, дети мои”.

Там, в Кремле, решили, чтобы акыны, ашуги, сказители поддержали своим словом из народа пульс блокадного Ленинграда. К Джамбулу, в частности, для этой цели направили сильного московского поэта в качестве переводчика. Возможно, так оно и было. Но стихи акына тогда прогремели на весь мир. Они несли огромный эмоциональный и политический заряд. Можно ли это назвать социальным заказом или, как сейчас говорят, PR-ом.

У акына любимый сын ушел на фронт и не вернулся. И мог ли Джамбул не выразить эту боль через сердце?

Мне пришлось участвовать при рождении песни-обращения в иные годы и в иное политическое время.

Нас было четверо: казахский критик и литературовед академик Мухамеджан Каратаев, известный поэт и переводчик Алексей Брагин, заведующий отделом литературы и искусства “Казахстанской правды” мой отец Олег Мацкевич и автор этих строк, тогда сотрудник республиканской молодежной газеты “Ленинская смена”. Мы разместились в одной “Волге”. Цель поездки в аул у подножья Курдайского перевала – встреча с народным акыном Кененом Азербаетовым. Мы ехали с надеждой попросить его напеть послание к украинскому народу по поводу намечающейся Декады казахской литературы и искусства в Киеве. Тогда это было привычным делом. А поэтическое обращение к друзьям – хорошей народной традицией.

Вот что я написал после этой поездки, которая запала мне в душу.

* * *

В Матыбулаке, где он родился, его уважали не только как председателя первого аулсовета. Всю свою жизнь этот убеленный сединой человек не расстается с домброй. Его песню о маленьком пастухе, который жалуется жаворонку на горькую судьбу, о мальчишке, которому конем служит белая палка, о куцей сивке “Кок-шолак”, за которую отцу Кенена, Азербаетову, пришлось три года пасти овец, - эти первые песни, исполненные маленьким акыном на крохотной детской домбре, уже почти семь десятков лет любят и поют в Семиречье, Киргизии, Узбекистане, Монголии.

Когда Кенен был моложе, он мог совершать многосуточные переходы, кочуя с чабанами по степи, шагая от аула к аулу, слушая известных жирши и серэ¹. В песне жаворонка, посвисте ветра, сухой траве и топоте табунов искал он мелодию. Он ищет ее всю жизнь в радости и в горе, он ищет большой, великий смысл в окружающем. И плачет его домбра на могиле первенца сына, плачет, обращаясь к белошерстной козочке, которая потеряла лопухого, мягкого, как пух,

козленка. Его песни милы и трогательны. Его слова могут быть беспощадны: “Язык мой, будь пулей врагам, пой, пой!” Он называл молодежь, вернувшуюся с фронта, цветами аула и не находил среди этих цветов своего Жанарбека, пропавшего без вести. Кенен говорит, что молодежь пробуждает его думы, и он не замечает старости.

Раньше, сев на коня, за один дневной переход через цветущую маками степь Кенен попадал к своему другу и учителю Джамбулу. Они сидели с ним на одной кошме, стремя в стремя объезжали колхозные поля, и в яблоневом саду у синей вершины Майбулака на вечерней заре оживала домбра. Джамбул подарил Кенену, как способному ученику, свой пояс, желтый кожаный пояс с серебряной чеканкой.

Давно не стало Джамбула, оплакала его степь, отзвенели по нему печальные кюи, и расписанный орнаментом мавзолеей встал над могилой, как песня, застывшая в камне. Кенен свято берег в памяти доброе для него прошлое, все, что связано с ним: и книги, и вещи, и традиции, и старых друзей принимал, как родных братьев, так, как принимал их когда-то великий акын.

В тот день он оседлал Айгасака и выехал на Семиреченский тракт. Кенен легко держался в седле, белая борода его развевалась воинственно, встречные снимали перед ним шапки. На перекрестке дорог он осадил коня и застыл, как одинокое дерево. Ждал гостей из Алматы, хороших своих друзей, ждал долго. И когда ветер с Курдая распахивал его чапан, на солнце сверкал пояс Джамбула.

Кенен-ата очень похож на мудрецов, которых изображают на древних фресках и описывают в старых восточных сказках. Длинное, вытянутое сухое лицо, орлиный с горбинкой нос, тяжелые веки, узкая раздвоенная борода, на макушке крохотная зеленая шапочка.

– Салям, айналайн, - он обеими руками пожимает протянутую ладонь и колючими усами прикладывается к щеке. Руки у него коричневые, сильные, с тонкими длинными пальцами:

– Как дорога, как семья, как скот?..

Гости сидят на кошме в прохладной комнате: казахский писатель и русский поэт-переводчик, который дружил с Джамбулом и не раз переводил Кенена.

Они вспоминают годы, которые пронеслись стремительной байгой, они вспоминают время напряжения, томительного ожидания и большого взлета казахской песни, когда плядуду одаренных акынов возглавлял великан народной поэзии Джамбул.

...1937 год. Джамбул, Кенен и его гость Мухамеджан Каратаев в Тбилиси на пленуме правления Союза советских писателей. Пленум посвящен празднованию 750-летия поэмы “Витязь в тигровой шкуре”. На торжестве много известных людей. Джамбул спел свою песню о Шота.

Кенен молча ходил с домброй, чувствовалось, что хочет он что-то сказать. Акын-импровизатор может только во весь голос высказывать свои впечатления и чувства, он не привык мурлыкать себе под нос, он поет для людей, для многих людей, он должен видеть их лица, слышать возгласы одобрения или огорчения. Поймут ли его? Кенен робел выступать после Джамбула.

Но все-таки запел. Запел в вечерний час, когда тбилисские предгорья окрасились в малиновый цвет, когда появился на веранде со своей трубкой Алексей Толстой, когда Павло Тычина и Микола Бажан закончили беседу с Джамбулом и все жители маленькой гостиницы вышли полюбоваться на закат. Кенен подарил им песню. Домбра высоко повела мелодию, плавно и нежно, она уже там, в синеве, где купается жаворонок, вот она падает вниз, на землю, касаясь крылом ковыля на старом кургане, под которым ржавеют боевые кольчуги... Он пел о колхозных отарах Матыбулака, о родном Джетысу, пел о братстве народов, о Пушкине и Лермонтове, которых когда-то ссылали на Кавказ. А он, акын Кенен, приехал на Кавказ как почетный гость и представляет свой народ, его песни. Сильный, чистый голос у Кенена. Мелодия лилась величаво и спокойно.

Кенен смолк и довольно быстро ушел. Все забросали Мухамеджана вопросами.

– Кто этот чудесный певец? У вас в Казахстане все такие красивые?

В тот вечер акын познакомился с Миколой Бажаном и Павло Тычиной.

...Сегодня Кенен и его гости вспомнили все это. Вспомнили, потому что нельзя было не вспомнить. В Казахстане начиналась декада украинской литературы и искусства. Его друзья прислали казахскому народу свои теплые слова. В Алма-Ату из Киева приехали художники, поэты, артисты.

Что ты скажешь им, Кенеке?

Старика будто подменили. Он суетливо поднимался и исчезал из комнаты. Его потертая куртка из зеленого бархата мелькала то во дворе, то в саду. Он вывел из конюшни Айгасака и потянул кормить к стойлу. Потом пошел за водой. Позже сидел на корточках в саду, прикрыв глаза, раскачиваясь из стороны в сторону. Он словно забыл про гостей, оставив их на попечение старшего сына. А сын говорил: “Ата совсем не отдыхает. По дому старается делать все сам. На уборке появился на коне прямо перед комбайном: смотрел, нет ли огрехов. Недавно выступал в школе. Разъезжает по аулам, джайляу, все верхом – не хочет пользоваться автомобилем...”

Кенеке в ту минуту был занят другими мыслями: “Стары мы стали, чтобы совершать далекие переезды. Лет тридцать назад Павло и Микола побывали в ауле Джамбула. Тогда был большой той и айтыс. Джамбул спел песню “Моему сыну – Павло Тычине”.

Сегодня очередь Кенена. Ведь ему, не другому, Джамбул подарил свой пояс. Не высохли еще пальцы, не потрескалась домбра, и не потух голос. Он аксакал в Семиречье, он должен сказать слово.

До самого вечера, что бы ни делал Кенеке, он был как во сне. Мысли теснились в голове, строчки просеивались через мелодию, руки тянулись к домбре, а уста нашептывали. Уж показалась неподвижная звезда